

офицеры для отысканія „бояръ и московскихъ властей“, привели только десятокъ поселившихся въ городѣ французовъ—губернеровъ и промышленниковъ. Московскій купецъ Осиповъ поднесъ Наполеону хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ, за что домъ его приказано было не трогать и ему данъ былъ подрядъ по продовольствію арміи. Но когда, для исполненія этого порученія, онъ потребовалъ необходимое число подводъ, Наполеонъ велѣлъ ему сказать, что повѣситъ его, коли онъ станетъ разсуждать. Купцы Коробовъ, Бакининъ, Лешаковъ, Кольчугинъ и Находкинъ, принявшій должность городского головы, увѣряли потомъ, будто объявили, что не намѣрены дѣлать ничего противнаго вѣрѣ и государю, на что французскій губернаторъ Лессепсъ поспѣшилъ отвѣтить, что „ссора между императоромъ Наполеономъ и императоромъ Александромъ до нихъ не касается и что единственною ихъ обязанностью будетъ смотрѣть за благосостояніемъ города“.

Вступленіе „Великой арміи“ Наполеона въ Москву.

Измѣны со стороны русскихъ въ Москвѣ было сравнительно не много, а отъ дворянъ почти никакой, кромѣ шталмейстера Загряжскаго, умышленно оставшагося въ Москвѣ, угождавшаго французамъ, особенно другу будто бы своему Коленкуру, и часто бывавшаго въ своемъ шитомъ мундирѣ у Наполеона, да еще Самсонова, прислуживавшаго Даву. Духовенство Бѣлокаменной держало себя достойно, не было и подобія слабости, проявленной на западѣ. Нѣкоторые изъ оставшихся священниковъ пытались даже возобновить божественную службу, очищали, запирали свои церкви, но въ нихъ снова выламывали двери и замки, рвали церковныя книги и безчинствовали. Едва ли не одинъ священникъ Новинскаго монастыря Пылаевъ оказался слишкомъ уступчивымъ: вызвался передъ Наполеономъ отслужить въ Успенскомъ соборѣ литургію подъ архіерейскимъ облаченіемъ, такъ такъ императоръ французовъ пожелалъ видѣть архіерейскую службу.

Самъ Наполеонъ, удрученный пожарами Москвы, какъ говорить въ своихъ письмахъ принцъ Евгенийъ, развлекался вечерами игрой въ двадцать одно, которая сохранилась у насъ въ Россіи до сихъ поръ. До чего было неожиданно появленіе въ Москвѣ французовъ, это видно изъ слѣдующаго разсказа жены священника: „Разъ сижу я подъ окномъ, вдругъ подбѣжала дьячиха: „Матушка, ребята сказываютъ, что Бонапартъ вошелъ въ Дорогомиловскую и Калужскую заставы“. У меня чулокъ изъ рукъ выпалъ, я такъ и крикнула: „Дмитрій Власычъ, слышишь?“ А мужъ сидѣлъ въ